

*А. С. Мартысевич, канд. культурологии,
преподаватель каф. философии*

КОНЦЕПЦИИ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО И МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО ДИАЛОГА В ХРИСТИАНСКОЙ ТЕОЛОГИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI В.

Республика Беларусь является ярким примером сосуществования трех основных ветвей христианства: католицизма, протестантизма и православия, которые оказывали и оказывают влияние на формирование и развитие белорусской культуры. Межконфессиональное согласие является одним из условий устойчивого развития Республики Беларусь, в связи с чем изучение концепций межконфессионального и межрелигиозного диалога является актуальной научной проблемой.

В православии, католицизме и протестантизме обосновывается необходимость диалога между религиями и между христианскими конфессиями, но наблюдается разнообразие в оценке границ диалога.

Явный поворот в вопросе межконфессионального диалога наблюдается в православии в 1950-е гг. Если в 1948 г. в Москве абсолютным большинством православных автокефальных церквей была составлена и подписана резолюция, в которой осуждалось экуменическое движение и обосновывался отказ от участия в I Ассамблее Всемирного совета церквей (ВСЦ), то во II Ассамблее ВСЦ 1954 г. участие приняла почти половина автокефальных православных церквей, а во время III Ассамблеи 1961 г. и годом позже участниками ВСЦ стало абсолютное большинство православных церквей. В православном богословии данного периода также наблюдается активное обсуждение вопросов межконфессионального диалога, например, в работах Г. В. Флоровского. В статье «Экуменическое страдание» этот теолог критикует воззрения религиозного деятеля русского зарубежья Л. Зандера за «мечтательную» интерпретацию экуменизма, где противоречия между различными вариантами христианства снимаются посредством того, что все они признаются истинными. Такой вариант интерпретации Г. В. Флоровский считает антиэкуменическим, так как сама задача сближения различных конфессий признается избыточной. В богословии А. В. Меня объективизируется необходимость диалогических

отношений христианства с иными религиями при условии признания преимущества христианской веры. Многообразие религий, с его точки зрения, отражает различные фазы и уровни Богопознания, высшим из которых является христианство. И. Ф. Мейендорф говорит о необходимости диалога с современным «внутренним» богословским миром (протестантской и католической теологией), а также с «внешним» религиозным миром: «евреями, язычниками, еретиками» [4, с. 188].

В официальных документах Римско-католической церкви около 1950-х гг. также наблюдается поворот к экуменическому движению при условии сохранения уверенности в сотериологическом эксклюзивизме собственной конфессии. Так, в энциклике «*Moralium animos*» («Души смертных», 1928) Пий XI называет злом межконфессиональные союзы. В 1948 г. в предостережении Святого престола «*Cum compertum*» («На распутье») католикам все еще запрещается принимать участие в экуменическом движении, но само движение не осуждается. В 1949 г. появляется инструкция «*De montione oikumene*» («Экуменическое движение»), в которой излагаются советы по проведению межконфессиональных встреч. О диалоге христианства с другими религиями и нехристианскими культурами говорят и католические мыслители этого периода, причем приоритет ими отдается тем компонентам, которые представляют собой христианскую (католическую) сферу. Ж. Маритен, пишет: «Даже подлинно христианская цивилизация не избегает многих случайных изъянов. Но только христианская цивилизация может быть избавлена от существенных недостатков» [3, с. 55]. Теолог полагает, что необходимо уйти от крайностей обесценивания нехристианских культур либо превознесения их, но необходимо помогать им находить в их собственном содержании фрагменты истины. Относительно межконфессионального диалога Ж. Маритен схожим образом указывает, что в христианстве нет места для ошибок Мартина Лютера, но есть место для самого Лютера, который внес определенный вклад (который, как и любое благо, принадлежит Христу) в развитие истории человечества.

В теологии протестантизма также в 1950-е гг. наблюдается явный поворот в сторону межконфессионального и межрелигиозного диалога. Так, если на раннем этапе своего творчества протестантский теолог К. Барт отвергает иные религии как формы идолопоклонства, то на позднем – обнаруживает более открытое к ним отношение. Согласно П. Тиллиху, отношение между

различными религиями и конфессиями не должно быть ни простым отрицанием, ни некритическим приятием, но диалектическим единством приятия и отторжения.

В период второй половины 1960-х гг. и до настоящего времени в православной, католической и протестантской теологии наблюдаются дальнейшие изменения в интерпретации межконфессионального и межрелигиозного диалога.

В официальной позиции православия второй половины 1960-х – начала 2000-х гг. наблюдается изменение в вопросе о присутствии благодати в иных христианских конфессиях. В п. 1.15 «Основных принципов отношения Русской православной церкви к инославию» (2000) утверждается, что общины, отпавшие от единства с православием, никогда не рассматривались как полностью лишённые благодати. Начиная с 1970-х гг., православная церковь начинает официальный богословский диалог с другими христианскими церквями: с англиканами (с 1973 г.), со старокатоликами (с 1975 г.), с римо-католиками (с 1979 г.), с Всемирной лютеранской федерацией (с 1981 г.). Что касается православной теологии второй половины 1960-х гг. – начала XXI в., то идея диалогизма начинает проявляться здесь также более явно, по сравнению с предыдущим этапом. Понятие диалога является одним из центральных понятий в работах таких православных богословов, как Х. Яннарас, Г. Завершинский и др. Диалог рассматривается этими мыслителями как «встреча, к которой мы приглашены третьей стороной, независимой от нашего “я”» [1], т.е. это всегда встреча в присутствии Бога.

Продолжает развиваться в православном богословии и идея диалогических отношений православия по отношению к иным христианским конфессиям и нехристианским религиям. И. Кирилла говорит о необходимости диалога православия с западным христианством, а также подчеркивает, что разум, укорененный в Божественном Логосе, делает творение единой рациональной реальностью, существующей для межличностного диалога [2, с. 160]. Д. Папатамос в качестве одного из центральных признаков критикуемого им фундаментализма выделяет отрицание межрелигиозного и межконфессионального диалога [12]. Тем не менее в православном богословии очерчиваются и строгие границы такого диалога. К примеру, А. В. Мень отмечает, что открытость и терпимость не должны перерождаться во «всепрятие», которое приводит к аморфности и утрате всяких границ [5, с. 201]. Епископ

Александр (Семенов-Тянь-Шанский) не отрицает, что возможны «доли Истины» в других христианских конфессиях, однако полагает, что из этого нельзя делать вывод о возможности совместной Евхаристии «с теми, у кого, мы знаем, – нет полноты Истины и которые может быть и имеют, но ущемленную Благодать» [8, с. 108]. Экуменизм, с его точки зрения, возможен лишь в качестве взаимотерпимого диалога с любовью к своим противникам.

Рассматривая официальную позицию Русской православной церкви по вопросу межрелигиозного и межконфессионального диалога, следует отметить, что в толерантном отношении к иным религиям многим видится опасность безразличия к вероучительным вопросам. В п. 2.8 документа «Основные принципы отношения РПЦ к инославию» (2000) критикуется терпимость к разномыслию в вере, но вместе с тем подчеркивается легитимность существования различных форм выражения веры. В официальной позиции Константинопольской православной церкви наблюдается несколько большая склонность к межконфессиональному и межрелигиозному диалогу, о чем свидетельствует, в частности, Совместная Декларация (2006), подписанная Патриархом Константинопольским Варфоломеем I и Папой Римским Бенедиктом XVI. В п. 5 Декларации они призывают к межрелигиозному диалогу как средству борьбы с проявлениями насилия и дискриминации. Возможность единой христианской церкви рассматривается в православии не как соединение, но как *возвращение* церквей к православной церкви.

В теологии католицизма второй половины 1960-х гг. – начала XXI в. наблюдается ослабление европо-католико-христиано-центристской позиции. Если ранее подчеркивалось, что только христианство может устранить недостатки современной культуры, то к концу XX в. такие утверждения стали прописываться теологами (например, П. Пупаром, М. Рупником) в более мягкой форме. В документах II Ватиканского собора подчеркивается, что иные христианские церкви не лишены спасительной силы, хотя и не имеют всей полноты спасения. В 1965 г. указанные заявления подтверждаются и рядом действий Римско-католической церкви: Папа Павел VI и патриарх Афинагор I сняли взаимные анафемы церквей 1054 г.; была организована совместная рабочая группа Римско-католической церкви и ВСЦ. Последующие папы римские стараются придерживаться начатой традиции.

Своеобразный вариант межрелигиозного и межконфессионального диалога, основанного на поиске единых базовых этических принципов, разработал католический священник Г. Кюнг (концепция осуждена Ватиканом). Диалог между представителями различных религий, с его точки зрения, означает не только дискуссию, но и всестороннее преобразование. Однако в официальной теологии католицизма конца XX – начала XXI в. по-прежнему указываются и границы диалогического действия. Бенедикт XVI указывает, что открытой позиции католической теологии по отношению к иным конфессиям и религиям недостаточно и такая позиция даже может негативно сказываться на теологии. П. Пупар специфику диалога с идеологическими противниками обозначает как критическую доброжелательность: «Нужно стремиться понимать, не принимая, и спорить, не отступая...» [7, с. 230], М. Рупник – как рациональную конфронтацию, базирующуюся на любви.

В протестантской теологии второй половины 1960-х гг. – начала XXI в., как справедливо отмечает К. Дурайсин, наблюдается окончательное преодоление предшествующей «демонизации религиозных традиций, отличных от христианства» [11, с. 196], уход от рассмотрения их в качестве находящихся за пределами сферы благодати. Действительно, например, Л. Ньюбигин пишет: «Каждый должен выйти на арену... и участвовать в предельно откровенной встрече с теми, кто тоже поставил жизнь на свое видение истины» [6, с. 197]. Противоположная позиция, согласно Л. Ньюбигину, является ошибочным представлением о том, что в силу веры и крещения некто имеет исключительные «права на Бога». Настоящий диалог, считает мыслитель, предполагает открытость и возможность стать на позицию собеседника; веру в возможность того, что диалог будет использован силой Духа для радикального обращения как собеседника, так и христианина; необходимость кенозиса, «умаления себя». В итоге такой диалог может привести к новой уверенности в своей позиции, а зачастую и к ее уточнению и изменению. Аналогичную мысль о диалоге высказывает англиканец А. Макграт. Диалог, таким образом, рассматривается как источник необходимости пересматривать доктринальные понятия, для того чтобы сохранить в них уверенность либо уточнить. В документе «Социальная позиция протестантских церквей России» подчеркивается единство христианских конфессий в своих основных постулатах и в стоящей

перед ними задаче. В более сдержанной форме в этом документе присутствует идея о необходимости диалога с иными религиозными направлениями: «Мы призваны к миру, гармонии, уважению и терпимости к последователям различных религиозных убеждений, ко всем людям доброй воли, каков бы ни был их мировоззренческий выбор» [9, с. 22]. В то же время в этом документе прописывается жестко негативное отношение к оккультизму. Тем не менее в целом можно заключить, что вместе с уходом от европоцентризма в протестантской картине мира наблюдается и постепенный уход от жесткого протестантоцентризма.

Таким образом, в период 1950-х – первой половины 1960-х гг. в православной, католической и протестантской теологии признается необходимость диалога с иными конфессиями и религиями при условии признания эксклюзивизма собственной конфессии. Во второй половине 1960-х – начале 2000-х гг. в протестантизме и католицизме наблюдается тенденция ослабления европохристиано-центризма. В теологии протестантизма это проявляется в наибольшей степени. Новой тенденцией здесь является рассмотрение некоторыми протестантскими мыслителями и представителями неофициальной теологии католицизма межконфессионального и межрелигиозного диалога в качестве необходимого риска, который может привести к новой уверенности либо к изменению собственной позиции. В официальной католической позиции Ватикана и в православном богословии межконфессиональный и межрелигиозный диалог рассматривается как рациональная конфронтация, базирующаяся на любви, но не приводящая к внутренним переменам.

1. *Завершинский, Г.* О богословии подлинного диалога / Г. Завершинский // Официальный сайт внешних Церковных связей РПЦ. – 2010. – URL: http://www.mospat.ru/ru/2010/04/20/news_17071/.

2. *Кирила, И.* Надежды на единство знания : космос, культ и культура / И. Кирила // Научный богословский портал «Богослов.ru». – 2009. – URL: <http://www.bogoslov.ru/text/434365.html>.

3. *Маритен, Ж.* Религия и культура / Ж. Маритен // Знание и мудрость / Ж. Маритен ; пер. с фр. Л. М. Степачева. – М. : Науч. мир, 1999. – С. 33–213.

4. *Мейендорф, И. Ф.* Православие в современном мире / И. Ф. Мейендорф. – М. : Путь, 1997. – 248 с.

5. *Мень, А. В.* Мировая духовная культура : лекции / А. В. Мень. – М. : Тип. центра «Путь, Истина и Жизнь», 2002. – 249 с.

6. *Ньюбигин, Л.* Раскрытие тайны. Введение в теологию миссии / Л. Ньюбигин ; пер. с англ. А. Бакулов. – М. : Центр «Нарния», 2006. – 240 с.

7. Пупар, П. Церковь и культура. Заметки о пастырстве разума / П. Пупар. – Милан ; М. : Христианская Россия, 1993. – 255 с.

8. Семенов-Тянь-Шанский, А. (Епископ Александр). О терпимости в церковной жизни / А. Семенов-Тянь-Шанский // Вестн. Рус. студ. христианского движения / редкол.: К. А. Ельчанинов [и др.]. – 1972. – № 106. – С. 98–108.

9. Социальная позиция протестантских церквей России / подгот.: В. П. Крушницкий [и др.]. – М. : [б. и.], 2003. – 72 с.

10. Яннарас, Х. Вера Церкви / Х. Яннарас. – М. : Центр по изучению религий, 1992. – 232 с.

11. Duraisingh, C. Salvador: A signpost of the new in mission / C. Duraisingh // Called to one hope. The Gospel in diverse cultures / ed. by C. Duraisingh. – Geneva : WCC publ., 1998. – P. 190–212.

12. Papathamos, D. Internal questions of the Orthodox Church. Pastoral and mission / D. Papathamos [Electronic resource]. – URL: <http://www.orthodoxa.org/GB/orthodoxy/theology/pastoral%20questions.htm>.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУЖИ